

Екатерине Островской в детективных романах удается одинаково живо и колоритно описывать и европейское Средиземноморье, и дождливый Питер, и узбекскую пустыню — а это признак большого мастерства писателя, не ограниченного условностями и опасением ошибиться. У Островской виртуозно получается придумывать невероятные, выдающиеся, фантастические истории, в которые точно можно поверить благодаря деталям, когда-то верно замеченным и мастерски вживленным в текст.

Но Екатерина Островская не просто выдумывает и записывает детективные истории. Она обладает редкой способностью создавать на страницах своих книг целые миры — завораживающие, таинственные, манящие, но будто бы чуточку ненастоящие. И эта невсамделишность идет произведениям только на пользу... А еще все книги Островской нравятся мне потому, что всю полноту власти над собственными вымышленными мирами Екатерина использует для восстановления справедливости наяву.

Из романа в роман Островская доходчивым и простым языком через захватывающее приключение доказывает нам, что порядочность, отвага, честность и любовь всегда победят ненависть, подлость, зло-

бу и алчность. Но победа легкой не будет — за нее придется побороться! Героям Островской — самым обыкновенным, зачастую невзрачным, на первый взгляд ничем не примечательным людям — приходится сражаться за свою жизнь, преследовать опасного преступника, а потом героически, зачастую на краю гибели, давать последний бой в логове врага без видимых шансов на успех, и... брать верх, одерживая полную победу. «И в этой пытке многократной рождается клинок булатный»: закаляется характер, простые люди становятся сильными, бесстрашными и по-настоящему мужественными героями.

Татьяна Устинова

*Памяти Анатолия Иванена —
замечательного поэта,
истинного «славянофинна».*
От автора

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Утром проснулись рано. И впервые за долгое время в одной постели.

Проснулись одновременно, хотя Валентин, может быть, чуть раньше. Марина открыла глаза и увидела, что муж на нее пристально смотрит. Хотела его о чем-то спросить, причем тот вопрос пришел к ней давно, вполне может быть, она хотела его задать еще ночью, может, даже во время сна. Но что же ей такое могло присниться? Она попыталась вспомнить сон, но не получалось.

Солнце слепило глаза.

Марина хотела попросить задернуть штору, но Валентин сам вдруг резко поднялся, словно прочитав ее мысли, подошел к окну, но остановился. Начал наблюдать за тем, что было там — в новом и не изученном пока пространстве.

Марина смотрела на его тело, на бугры мышц на руках и спине. Вспомнила, что его тело было другим, когда они только познакомились, Валентин и тогда был крепок и жилист, как-никак определенную

часть своей жизни он работал с бензопилой, срезая стволы вековых деревьев. Но теперь он смотрится совсем иначе.

Муж почти каждый день посещает фитнес-клуб. Направляясь домой, заходит обязательно, даже на час, успевая за это время попотеть на тренажерах, а потом смыть усталость в душевой.

Иногда они ходили в зал вместе. Марина вставала на беговую дорожку или садилась на велотренажер, а Валентин неподалеку, лежа, выжимал штангу.

— Что тебе этот сантехник вчера сказал? — вдруг спросил он, продолжая смотреть в окно.

— Ничего, — удивилась она, — он вообще молчаливый какой-то. Молча подключил котел и удалился. А почему ты вдруг вспомнил?

— Мне он не понравился, — ответил Лужин, — какой-то он мутный. Очень похож на одного человека, который принес мне много неприятностей.

— Забудь о нем, — посоветовала Марина. — Здесь достаточно вполне достойных людей. Про писателя и рэпера можно не говорить, а ведь и банкир Панютин вполне обаятельный человек. Как он встрепнулся, когда я про Северную Ингрию вспомнила.

— Не надо было показывать свою образованность.

— Почему? Он руководит банком «Ингрия», и я вспомнила, что была когда-то в здешних местах маленькая самопровозглашенная республика. Это когда-то предки местных жителей были крестьянами, которые в лохмотьях вышли оборонять свои деревни.

Теперь они политики, предприниматели и банкиры. Они сплочены теперь как никогда.

— Теперь понятно, откуда у директора нашего ТСЖ нашлись деньги на выкуп земли и на строительство поселка... Я слышал, что лет десять назад он был по-настоящему нищим...

— Ты про Олега говоришь? — спросила Марина. — Он такой respectable на вид.

— Стал таким. Ему, очевидно, помогли лишь потому, что он родом из этих мест и фамилия у него — Хепонен. Земля эта ему досталась за гроши, но у него и грошей-то не было. Но здесь работали местные бульдозеристы, с местных карьеров сюда свозились песок и плодородная почва. Теперь здесь дорогие участки. Сотня участков, и если каждый вместе с домом был продан за полмиллиона долларов, то сколько это получается выручки?

— Пятьдесят миллионов, — подсчитала Лужина.

Муж начал не спеша одеваться. Накинул на себя рубашку, стал застегивать пуговицы, но разговор заканчивать не собирался. Посмотрел на Марину и усмехнулся.

— Ну вот, а сама земля, планировка участка, подвод коммуникаций и строительство домов стоило раза в два дешевле. Или даже втрое дешевле. А теперь все жители еще платят за обслуживание приличную сумму каждый месяц. Очень хороший бизнес получается.

— Да и ладно, — сказала Марина, — главное, что нам тут нравится!

Муж не ответил. Задернул штору, поднял с банкетки свои брюки. Но не стал их надевать.

— Про банк «Ингрия» ты знаешь, — продолжил он, — а ведь еще есть благотворительная организация с таким же названием. Цель ее — независимость Карельского перешейка, создание на нем нового государства. Еще недавно это казалось смешной идеей, но после событий в Крыму — цель не кажется такой уж нереальной.

— И они об этом так прямо заявляют? — удивилась Марина.

— Нет, конечно. Но мне Хепонен проговорился, что все местные мечтают о референдуме за независимость. Можешь представить, что начнется в мире, если вдруг они надумают отделиться. Их тут же начнут признавать страны Северной Европы, Балтия, Польша... А если еще и Штаты признают...

— Да и пусть. Мне здесь нравится, — махнула рукой Марина, — никакой независимости не будет, разумеется.

— Поживем — увидим, — усмехнулся муж, натягивая брюки, — но работа проводится немалая, и деньги в идею независимости закладываются тоже огромные. Вспомни, какой была эта территория два десятка лет назад. Дачи, огороды, леса, а теперь на Карельском перешейке элитные поселки, вроде нашего, фермы по разведению рыбы, гостиницы, горнолыжные трассы, поля для гольфа... Промышленность имеется какая-никакая. Мне, кстати, посоветовали перенести производство сюда, в поселочек неподалеку. Предлагают помещения в аренду

по невероятно низкой ставке. Тут люди думают о развитии территории... В каждом населенном пункте есть магазинчик с финскими товарами. Одежда, продукты питания, соки, алкоголь... Даже этот Вася из Куйвози, о котором говорили вчера как о производителе прекрасного виски, сам он, что ли, у себя в подвале гонит хороший продукт...

— Кстати, вчера мы с писателем договорились поехать к нему сегодня на дегустацию, — напомнила Лужина.

— Ты езжай, а я найду чем заняться. И вообще надо бы из города привезти все необходимое.

Муж наконец оделся, вышел было из спальни, но остановился и сказал уже из коридора:

— Тогда я сметаюсь в город и привезу все, что скажешь. Двух часов мне хватит обернуться, — он задумался и уточнил: — Или трех часов...

Он вышел, а Марина посмотрела на настенный циферблат — половина восьмого утра. Рано, но спать совсем не хочется.

Вдруг ей вспомнились часы, висевшие в домике бабушки. Часы были в виде домика с окошком, из которого выскакивала кукушка. Правда, Марина не помнила, чтобы она когда-нибудь куковала. Кукушка выглядывала из своего разошедшегося домика, гирьки в виде сосновых шишек висели неподвижно.

Однажды мама предложила часы выбросить, и бабушка возмутилась: «Ни за что: им уже двести пятьдесят лет, они в Шварцвальде сделаны. Пусть не ходят, но пусть висят: их мой отец в сорок пятом из Герма-

нии для меня привез — это все его трофеи за четыре года войны».

Бабушка умерла, часы так и остались висеть в пустом доме, пока из него не вынесли все. Потом в домик переехала мама, но вскоре его снесли, и на этом месте, на месте яблоневого сада, стоят теперь многоэтажные дома.

Марина думала об этом, стоя под душем, с мокрыми волосами вышла к качелям, держа в руках чашку чая. Но на качелях пить чай было неудобно, и она уселась на газон.

Так она и сидела, поглядывая на небо, на сосны и наслаждаясь пахнущим сосновой хвоей воздухом.

К девяти пришел похожий на Колобка директор ТСЖ, который очень удивился, увидев ее на газоне.

— А я думал, что вы еще в постели, — удивился пухлый человек.

«Странно, — подумала Марина, — если думал, что я в постели, так почему пришел?»

— Ваш муж выезжал, а я как раз у шлагбаума стоял, мы поговорили немного.

Директор ТСЖ тут же сделал встревоженное лицо.

— Так что вам Коля сказал такого, что могло обидеть вас? — спросил он.

Марина вскинула брови, не понимая, о ком идет речь.

— Николай, который был у вас вчера, который должен был котел осмотреть, — объяснил директор ТСЖ. — Вообще он очень тихий, необидчивый. Никто на него никогда не жаловался.

— Так и я вполне им довольна. Ни жалоб, ни нареканий с моей стороны нет.

— Странно, — удивился пухлый человек, — возможно, я что-то напутал.

Он вздохнул и подошел еще ближе.

Марине показалось, что он хочет опуститься на газон рядом с ней. Но Олег остался стоять.

— Я знаю, что вы вчера уже с соседями познакомились. Как они вам?

— Замечательные люди. О многом поговорили. Вспомнили об Ингрии.

— О ком? — прикинулся непонимающим Олег.

— О Республике Северная Ингрия.

— Не слышал о такой, — ответил пухлый человек и посмотрел по сторонам.

— А я всегда восхищалась мужеством этих простых людей.

— А кто вам рассказал?

— Так я давно об этом знаю.

— А что вы еще об этом знаете? Слышали, может быть, от кого-то? Ведь кто-то при вас вчера завел разговор об этой республике.

— Я и завела. Услышала о банке с таким же названием и вспомнила.

Этот ответ Хепонена, судя по всему, удовлетворил.

— Я все-таки по поводу Коли. Ваш муж так возмутился! Сказал, что надо его уволить. А за что? Вот я и пришел, чтобы выяснить.

— Так я же уже ответила.

На самом деле она не верила теперь пухлому человеку. Он пришел только ради того, чтобы узнать, кто и что говорил об Ингрии. А жалобу Валентина придумал как повод для того, чтобы прийти.

— Ну, ладно, — сказал он, — кстати, вы сегодня пойдете на праздник?

— Какой?

— Так сегодня в Ветрогорске День города. Это совсем рядом от нашего поселка — минут пять на машине. Они каждый год этот праздник устраивают. Очень весело все проходит. Артисты приезжают — даже некоторые известные попадают. А еще конкурсы, соревнования, надувные горки для детей, а вечером фейерверк и салют.

— Какое сегодня число — не девятое ли июня?

Пухлый человек вдруг побагровел и посмотрел вокруг.

— Ну, ладно, я пошел, но советую все-таки пойти на праздник.

Он повернулся и ушел.

Конечно, про сегодняшнее число Марина спросила просто так. Но на всякий случай взяла свой смартфон, зашла в интернет и открыла дату образования Республики Северная Ингрия. Так оно и было — девятое июня.

Неужели здесь с таким размахом отмечают этот день, и ведь как здорово придумано. День города!

Поскольку телефон оставался в руке, Марина набрала номер мужа.

— Я уже в квартире, — доложил Валентин, — собираю вещи, но сразу к тебе поехать не получится.

Вчерашний клиент опять просит о встрече. Так что задержусь немного. Но ты там не скучай.

— Наверное, не получится скучать, потому что теперь я тоже решила посетить Васю, чтобы продегустировать его виски, а потом тут поблизости День города, и там, говорят, всегда очень весело. Так что я намерена сегодня повеселиться. Если успеешь, то обязательно подъезжай в Ветрогорск.

— Если успею, то...

— погоди! — закричала Марина, вспомнив. — Тут приходил директор ТСЖ и сказал, что ты жаловался на Николая.

— На кого? — не понял муж.

— На сотрудника управляющей компании, который вчера котлом занимался.

— С чего вдруг мне жаловаться? — удивился муж. — При выезде увидел Олега, он спросил про котел, я ответил, что все в норме. Очевидно, он не понял... Не скучай там.

Глава 2

Припарковаться было негде. Въезд на площадь был закрыт, а парковка возле рынка была забита так, что водителям, оставившим здесь свои автомобили, надо было собираться, чтобы выяснить, в каком порядке отсюда можно выбраться. Вдоль всей трассы машины стояли плотно друг за другом с обеих сторон дороги.

Карсавин заметил одно местечко, но, когда попытался поставить туда свой автомобиль, его обогнал

и вклинился на свободное местечко банкир Панютин, который весь путь от поселка следовал за ними. Теперь он занял присмотренное писателем место и, совершая этот захват, помахал Карсавину, Марине и Максиму рукой, улыбаясь во весь рот.

Карсавин не обиделся, он даже в ответ махнул рукой, а потом сказал, ни к кому не обращаясь:

— Теперь понятно, почему на финансовом рынке такой, извините за грубое слово, бардак: никакого уважения к честным налогоплательщикам.

Место они нашли метров за сто, почти в самом конце вереницы машин. Вышли и направились к площади. Банкир их поджидал, рядом с ним стояли жены его заместителей: Люба и Виолетта.

А с площади неслась громкая музыка, и пронзительные женские голоса орали:

...А у нас так не делают,
Да окна бить не бегают.
Ай, потихоньку, ромалэ, подойдут,
Да рамы выставят — и с окнами пойдут.
Ай, мэ мато, мато, мато ли мэ.
Ай, мэ мато, мато, мато ли мэ...

— Что такое, — удивился компьютерный геней, — цыгане приехали?

— Они живут здесь, — отозвался писатель. — Рядом есть целый цыганский поселок. Очень вежливые и приличные люди. Я как-то в очереди стоял за овощами. И вдруг чихнул. Сразу с двух сторон мне: «Будьте здоровы!» Посмотрел, а это цыгане мне здо-

ровья желают, а вся очередь из русских промолчала. Вот такие они... Цыганки здесь не пристают с гаданиями, пьяных цыган не заметно. Только в овощных магазинах очереди от них большие образуются, потому что каждый из них берет два яблока, две груши, два апельсина... Или по три... В зависимости, у кого какая семья.

Они подошли к банкирской компании, поздоровались. Обе женщины, приехавшие в машине Панютина, поцеловали Марину, как старые подруги.

На площади перед местным Домом культуры стояли шатры: в некоторых что-то продавали, в других были устроены аттракционы — стрельба из пневматических винтовок или бросание ватных мячиков в пустые пивные банки, а в одном стояли детские пластмассовые лошадки, которые покачивались. На одной из лошадок, прижавшись щекой к пластмассовой гриве, спал ребенок лет трех с соской во рту.

За прилавком скучала женщина, продающая билеты на это представление.

— Не желаете ли в скачках поучаствовать? — обратилась она к Марине.

— Меня укачивает, — ответила Лужина и показала на ребенка: — А кто его бросил тут?

— Никто его не бросил, — обиделась женщина-билетер, — это мой жокей. Не дома же его одного оставлять. Он, может, целый год о таком счастье мечтал.

— ...Ты услышь меня, — кричал с открытой

эстрады Дома культуры цыган, — под окном стою я с гита-ра-а-ара-а-ю-ю!

Спутники исчезли в толпе, и Марина бросилась их искать. Подруг банкира Любу и Виолетту обнаружила быстро в ближайшей пивной палатке. Обе сидели и с умным видом смаковали мутное пиво.

Над стойкой возвышался пожилой мужчина и наполнял очередную кружку — только непонятно для кого.

— Попробуй, — предложила Виолетта, — это местное: называется «Кирьясальское».

— Деревни такой, Кирьясала, давно уже нет, — произнес продавец пива, — даже фундаменты не сохранились, а пиво там будто бы до сих пор варят.

— И кто же такой ушлый? — поинтересовалась Люба.

— Да я, — признался мужчина, — таких специалистов, как я, здесь нет.

— Вас случайно не Васей зовут? — спросила Марина. — Вы из Куйвози?

— Вообще-то я — Петя. А Вася — это мой брат-ренегат, который забросил семейную традицию и варит... даже стыдно сказать, какое пойло.

— Такое плохое у него пиво? — удивилась Люба.

— Вася варит виски, — объяснила Марина, — народ хвалит.

— Какой народ? — возмутился продавец. — Алкаши одни.

— Писатели даже хвалят, — продолжала издеваться Марина.

— Да алкаши они, ваши писатели. Что Хемингуэй, что Ремарк. Вот поэты — совсем другое дело. У нас тут один — у него столько книжек написано! Так даже мой продукт в стихах отметил.

Не пейте, товарищи, водку,
Она вам испортит походку.
Попробуйте пиво от Пети —
Нет лучше напитка на свете.

— Какой у нас поэтический край! — восхитилась Виолетта.

— А то! — кивнул пивовар.

Он наконец закончил наполнять кружку и протянул ее Марине.

— Денег не надо. Это мой вам презент. У красивой женщины все должно быть самое лучшее.

Пришлось из вежливости сделать небольшой глоток, а потом идти дальше с бокалом пива в руке.

Вокруг веселились люди, несмотря на то что цыганский ансамбль сделал небольшой перерыв. Соседей-мужчин видно не было.

Марина рассматривала выставленные на ярмарке товары, приценилась к фермерскому меду, решив перед отъездом купить пару баночек. Потом поинтересовалась, где находится боулинг, и ей показали, но посоветовали туда не ходить, так как сейчас там очень тесно, потому что уже начались соревнования среди любителей сбивать кегли.

Неожиданно она увидела Вадима Каткова. Даже удивилась, потому что только подумала о нем, вспом-

нив, что популярный рэпер собирался на праздник города, но почему-то не поехал с ними.

А теперь он сам подскочил с гитарой. Сообщил, что хочет принять участие в конкурсе самодеятельности. Признавшись в этом желании, почему-то смутился. Потом увидел бокал с пивом.

— Местное?

Марина протянула ему пиво.

— Возьмите, я все равно его не пью.

Вадим взял бокал, сделал глоток.

— Петя варил! — почему-то сразу догадался он. — Вкусная вещь!

И побежал, держа в одной руке футляр с гитарой, а в другой — бокал с пивом.

Марина проходила вдоль торговых рядов, рассматривая варежки, носки, свитера домашней вязки, китайские спортивные костюмы, валенки и кроссовки «Пума», банки с вареньями и соленьями.

В одной из палаток разливали по емкостям французские духи.

От всего этого становилось легко на душе и весело. А вокруг радовались и смеялись люди.

Вскоре начался смотр местной самодеятельности.

Но сначала на сцене появился глава городской администрации, который начал рассказывать об успехах муниципального образования. Микрофон разносил его голос по площади.

Но Марина не слушала. Она увлеченно стреляла по мишеням в тире и даже попадала иногда.

Потом со сцены к народу обратилась какая-то дама, представившая детскую театральную студию, подготовившую музыкально-поэтическую композицию по стихам местного поэта.

— ...Это не только талантливейший поэт нашего времени, — проникновенно произнесла дама, — но он еще и большой патриот. Он начал работу над книгой об истории родного края, которую назвал историей Северной Ингрии.

Шум в толпе смолк: очевидно, собравшиеся поняли, о ком идет речь.

— ...У этого исследования были и противники, — летел над притихшей толпой голос дамы. — К сожалению, Анатолий Вильямович не закончил свой труд. Он трагически погиб при невыясненных обстоятельствах.

Марина перестала целиться и прислушалась.

Но дама закончила свое выступление. Зазвучал баян, и прозвенел голос ребенка, читающего стихи:

Протока обмелела, но мальки —
Инстинкт жесток, или судьба жестока:
Бросаются на влажные пески,
Им невдомек, что высохла протока.
Так память предков — пусть на волоске,
Влечет туда, где быть должна бы роща.
А там болото, и куда как проше
Вот так же биться рыбой на песке...¹

¹ Анатолий Иванен.

Дети продолжали читать стихи.

Марина, замерев с винтовкой в руке, слушала.

Какой-то щелчок вывел ее из оцепенения. Она даже подумала, что это выстрелила ее винтовка. Но оказалось, что подошли Карсавин с Максимом, и компьютерный гений запечатлел ее, романтически внимающую стихам, на свой телефон.

— Простите, что оставил вас одну, — произнес писатель, — решил поучаствовать в состязании по сбиванию кеглей. Боулинг — моя страсть.

— Как результат?

— А-а! — махнул рукой писатель. — Хуже, чем в прошлом году. Даже в призеры не попал. Старею.

А со сцены прилетел голос девочки:

...Куст ивы, наклонившейся к воде.
Крик иволги несется над водою —
Так тонок, что хочется продеть
В ушко иглы и словно нить удвоить...¹

— Вы знакомы были с местным поэтом? — спросила Марина писателя.

— С Толей? Знаком разве что. Но он ведь погиб при странных обстоятельствах. Темное дело. Поехал в Царское Село, и там на вокзале к нему подошли какие-то люди в камуфляжной форме. Вроде из частной охраны. Завели за привокзальное кафе и забили до смерти.

— Ужас какой! — поразилась Марина.

¹ Анатолий Иванен.

— Действительно ужас. Он безобидный был человек. Светлый человек, можно сказать. Да и в возрасте уже солидном. Такой улыбчивый старичок с седенькой бородкой.

— Он тоже исследовал историю Северной Ингрии, — вспомнила Лужина.

— Исследовал, и что?

— За это ведь не убивают, — высказал свое мнение Максим.

Марина положила ружье на стойку.

А человек, который заряжал винтовку, подавал ей патроны и на которого она вовсе не обращала внимания, вдруг дал о себе знать:

— Юноша, сейчас и не за такое могут убить...

Но произнес он это не для компьютерного гения, а глядя почему-то на писателя. И только после этого обернулся к Лужиной.

— Убить могут за любую мелочь. Тем более поэта. Много ли вы знаете поэтов, которые умерли своей смертью. Они при жизни-то с богом разговаривают. Иначе стихи не получаются. А так только, ерунда рифмованная...

— Ваша правда, — согласился Карсавин, — удивительно даже, как в таком городке люди разбираются в литературе!

— В нашем городке, господин Карсавин, — серьезно ответил владелец тира, — люди разбираются в людях.

Писатель молча взял с прилавка винтовку, согнул ее пополам, зарядил и, почти не целясь, выстрелил. Сразу же замигала лампочками, загудела и закурила

пластмассовыми крыльями игрушечная мельница. Потом он сбил еще одну мишень, еще и еще.

— Лихо вы! — удивилась Марина.

— Только чтобы произвести на вас впечатление, — ответил Карсавин и положил винтовку.

Потом он заплатил за свои выстрелы и за те, что сделала Лужина, взял ее под руку и сказал:

— Тут неподалеку есть кафе, где подают блюда местной кухни. Не скажу, что я большой поклонник, но пельмени с рыбой попробовать стоит.

Окна в кафе были открыты, и сюда отчетливо доносилось все, что происходило на сцене возле Дома культуры.

— Как в ВИП-ложе сидим, — сравнил Максим, опустившись за столик, — хотя и не видно ничего, но это необязательно.

Подошла молоденькая официантка в переднике, расшитом красными нитками: птицы и деревья.

Перед тем как сделать заказ, Карсавин позвонил банкиру, и тот сказал, что тоже подойдет вместе со своими спутницами.

Так что вскоре собрались всей компанией, не считая, конечно, Вадима Каткова, который собирался участвовать в конкурсе.

Время шло, на сцене сменялись выступающие. Наконец, раздались аплодисменты и свист.

— А вот и наша звезда появилась, — догадался Карсавин, — давайте сожмем кулаки за него, чтобы не опозорился.

Было слышно, как Вадим покашлял в микрофон, а потом объявил, что он исполнит романс, который написал накануне, и сегодня это первое представление песни.

Зазвучала гитара, и Окамыш почти зашептал в микрофон:

Ласточка, ласточка, ласточка,
Мир распахни голубой,
В памяти как фотокарточка
Миг, осененный тобой.
Что-то ушедшее, вечное,
То, что так ныло в груди.
Ласточка, птичка беспечная,
Не улетай, погоди...¹

Площадь притихла, молчали и все посетители кафе, даже молоденькая официантка подошла к открытому окну, чтобы лучше слышать.

И Вадим запел громче, словно специально для нее.

Молчала площадь, и весь городок молчал.

Пусть все надежды растаяли.
Только слежу, не дыша,
Как над небесными далями
Мается чья-то душа.

Вадим закончил выступление, и сразу на площади раздались аплодисменты и свист.

— Мне очень понравилось, — сказала Лужина, — надеюсь, его оценят по достоинству.

¹ Стихи автора.

— Что же он так на эстраде не выступает? — вдруг произнесла официантка. — А то поет всякую лабуду, если, конечно, это можно назвать песнями.

— У нас вкус формируют не зрители, а те, кто заказывает музыку, — ответил ей писатель. — Еще совсем недавно из каждого утюга летел «Владимирский централ», а теперь вот рэп. Конечно, Вадик не победит — не та аудитория. Сейчас выйдет прошлогодняя победительница с не умирающим уже полвека шлягером и задорненько его исполнит. Каждый год она исполняет только финскую полечку.

— Это, кстати, моя мама, — на всякий случай предупредила официантка.

— Да я против нее ничего не имею. Голос у нее замечательный. И рыбу она продает очень хорошую. Папа, небось, ловит?

— Ну да, — кивнула девушка.

Концерт после этого долго не продлился.

Выступил молодой цыган, а потом раздались бурные приветственные аплодисменты.

Молоденькая официантка напряглась и прислушалась.

Зазвучала веселая музыка, и аудитория взревела от восторга.

И потом аплодисменты еще долго не смолкали. Популярную у местных жителей исполнительницу не хотели отпускать со сцены.

Итоги были подведены быстро.

Катков, как и год назад, занял второе место.

— Надо Вадика позвонить и поздравить, — сказал Карсавин.

Он взял телефон и удивился.

— Однако времени уже сколько! Скоро уже и салют начнется. Надо поспешить, а то ярмарка вот-вот закроется.

Марина вспомнила, что хотела купить мед, и побежала на площадь.

Максим поспешил следом за ней.

Палатка с медом сворачивалась. Банки с медом взвешивать не стали. Продавщица сказала, что и так знает, что и сколько весит.

Народ не расходился, казалось, что людей стало еще больше, — все ждали начала салюта.

Марина продиралась сквозь радостную толпу, а когда оказалась на свободном месте, увидела поджидających ее соседей.

— На салют останемся? — спросила она.

— Надо ехать, — сказал банкир, — а то потом трудно выбраться будет — все машинами забито. Вернемся и посидим у меня.

Они поспешили к припаркованным вдоль трассы автомобилям, и вдруг Карсавин вспомнил:

— Я же хотел в Куйвози заехать к Васе. Взять у него виски.

— Поздно уже, — покачал головой Панютин, — потом тебе надо девушку домой доставить в целостности и сохранности.

— Так я за десять минут обернусь, — пообещал Карсавин, — тут всего-то четыре километра в одну сторону. Вы даже до своей машины дойти не успеете.

И он поспешил. Сначала быстрым шагом, а потом почти бегом.

Марина несла пакет с большими банками меда. Банкир, заметив, что ей тяжело, взял пакет из ее руки. Рядом шел Максим, который почему-то не сделал этого раньше.

А следом за ними, взявшись за руки, еле плелись две подружки — жены менеджеров банка «Ингрия». Панютин посмотрел на них, приостановился, а потом, поняв, что стоять и ожидать, когда жены его друзей подойдут ближе, бесполезно, снова ускорил шаг.

— Пока поставим ваш мед в мою машину, а то когда еще Ваня вернется, — сказал он Марине.

Втроем подошли к трассе, вдоль которой тянулась цепочка припаркованных автомобилей. Количество машин если и уменьшилось, то не намного.

Дорогу сразу перейти не удалось. Пришлось пропускать спешащие куда-то машины. Банкиру, судя по всему, ждать надоело, и он перескочил дорогу едва ли не перед самым капотом черного внедорожника. Марина с Максимом, дождавшись, когда поток спадет, перешли тоже. Теперь они направлялись к машине Панютина, видели его широкую спину, видели, как тот открыл заднюю дверь и поставил пакет на сиденье. А потом он наклонился внутрь салона и начал оседать, как будто пытался найти что-то на резиновом коврике.

— Что такое? — не понял компьютерный гений и ускорил шаг.

Лужина поспешила за ним.

Банкир стоял на коленях перед своим автомобилем, а туловище его и голова находились внутри салона перед сиденьями заднего ряда.

Но Марина успела заметить только, что на его спине расплзается темное пятно крови. Она отскочила в сторону, хотела закричать от ужаса, а получился какой-то сдавленный стон.

И тут же небо с оглушительным грохотом раскололось и осветило все вокруг разноцветным сиянием. Начался салют.

Глава 3

Полицию вызвал Карсавин. Удивительно, почему только он сообразил, что надо делать. Максим растерялся сразу, Марина стояла испуганная, а обе подружки банкира были вовсе на грани истерики. Иван Андреевич подъехал, вышел из автомобиля, посмотрел на тело и приказал:

— Всем отойти!

А потом позвонил в полицию. Как раз залпы салюта смолкли. С площади потянулся народ.

Марину начало трясти, писатель набросил на нее свою куртку и, стоя возле своего автомобиля, начал разговаривать с Максимом. Но компьютерный гений сказал, что сам ничего не видел, потому что смотрел в другую сторону, и вообще уже начинало смеркаться.

Подошел Вадим Катков, на мертвое тело он смотреть отказался, и тогда Карсавин попросил его отвезти домой женщин.

— Какой из тебя сейчас свидетель, — объяснил он Марине, — а девушки наши тем более ничего не видели.

Рэпер помог Марине забраться в салон, где на заднем сиденье уже находились Люба и Виолетта.

— Откуда хоть стреляли? — поинтересовался Вадим у писателя.

Тот показал рукой в сторону от дороги и пояснил:

— В ста метрах отсюда небольшой гаражный городок виднеется... Да какой там городок — полтора десятка гаражей. Один фонарь всего, да и тот не горит. Судя по всему, убийца поджидал вас именно там. Подъезд к той площадке вообще непонятно откуда. Вряд ли кто-то видел там убийцу: все же на празднике были. И видеокамер там наверняка нет.

Максим тоже попытался забраться в салон, но Катков его удержал.

— Я же не видел ничего, — сопротивлялся тот, — мне вообще весь обзор Марина своей спиной закрывала, к тому же я вообще смотрел в другую сторону.

Лужина закрыла глаза, потому что ей не хотелось во всем этом участвовать. Не хотела здесь находиться, не хотела беседовать с полицией, давать показания. А ведь наверняка ее допрашивать будут с особым пристрастием, ведь она ближе всех находилась к банкиру в момент его убийства.

Машины, припаркованные на обочине, разъехались, мимо проходили веселые люди — никто даже не догадывался о том, что здесь только что произошло.

Катков сел за руль. Автомобиль развернулся, потом набрал скорость, а она так и ехала, зажмурившись, пытаясь прогнать от себя воспоминание о случившемся. Но это не удавалось — перед глазами все время стояло одно и то же: Панютин медленно опу-

скается на колени, а потом валится головой вперед, в салон своего внедорожника.

Когда проехали шлагбаум, она наконец взглянула в окно, посмотрела на кирпичные заборы и немного успокоилась. Сейчас она войдет в свой дом, к которому, правда, еще не успела привыкнуть, включит телевизор, чтобы отвлечься.

Раздался сигнал ее мобильного. Это звонил муж.

— Ты где? — спросил Валентин. — Просто я переезжаю железную дорогу и теперь не знаю, куда дальше: в поселок поворачивать или на ваш праздник.

— Праздник закончился, — ответила Марина, — я уже возле дома.

Через несколько секунд автомобиль остановился. Люба и Виолетта вышли. А Катков повез ее дальше.

— Муж дома? — поинтересовался Вадим. — Я почему интересуюсь, потому что, если дом пуст, могу побыть с вами, чтобы не так страшно было.

Зачем-то она кивнула.

Во двор заезжать не стали. Прошли через калитку, а когда поднялись на крыльцо, то ворота разъехались, и показался «Блейзер», из окна которого неслась музыка, и голос Каткова читал рэп:

Любо бы полюбывал, любо бы полюбывал
чу-вих, чу-вих,
Или бы голубил бы, или бы голубил бы
чу-жих, чу-жих...¹

¹ Владимир Добряков.

Песня смолкла, из машины вышел Валентин и помахал им обоим рукой.

— А я как раз вашу песню слушал, — сказал он Вадиму, — про тетерева. Интересный текст.

— Это не мой текст, — признался Катков и посмотрел в сторону.

Валентин поднялся по ступеням и поцеловал жену.

— А что вы такие грустные оба? — улыбнулся он, словно пытался развеселить. — Праздник, что ли, не удался?

— Леонида Ивановича убили, — объяснил Катков и выдохнул.

— Какого Леонида Ивановича? — не понял Валентин.

— Банкира Панютина.

— Как это?

— Застрелили. Но я сам при этом не присутствовал, — начал объяснять Вадим. — Пришел, когда уже он...

— Прекратите, — не выдержала Марина, — я не могу слушать.

И проскочила в дом. Поднялась в свою комнату и легла на кровать. И опять перед глазами встала та ужасная картина. Через приотворенное окно было слышно, как о чем-то разговаривали мужчины на крыльце, но слов было не разобрать. Потом отъехал автомобиль Каткова.

Бесшумно поднялся на второй этаж муж и присел на кровать.

— Жаль, — произнес он, — жаль, что у нас здесь нет ни успокоительного, ни снотворного. Может, сто граммов виски примешь?

Марина помотала головой, а потом встрепенулась:

— А виски откуда?

— Мне новый клиент еще вчера презентовал. Рассчитывал, очевидно, что вместе разопьем, отменим контракт. Но я за рулем, вот он и всучил.

— Чего вдруг выпивать сейчас? — не поняла Марина. — Тут такое произошло. Почему вдруг его убили? За что?

— Банкир, — спокойно ответил муж, — сколько их уже... Может, это конкуренты?

— А где тогда его заместители — мужья Любы и Виолетты?

Валентин пожал плечами: он не знал обеих женщин. Даже не видел ни разу. А потом ответил:

— Вадим мне сказал, что они на Кольском полуострове рыбу ловят. Как раз сейчас начинается лицензионный лов. Так что у них обоих алиби, если ты об этом.

— Странно все, конечно. Сегодня в Ветрогорске со сцены читали стихи местного поэта, которого убили непонятно за что. А он тоже был патриотом Северной Ингрии. Банк Панютина называется «Ингрия» — как-то все складывается не очень хорошо.

— Просто так совпало. Сколько их тут — местных патриотов, — и что же, всех убивать за эти их убеждения? Требуют независимости, и что с того: это ведь как забава для местного населения.

За окнами послышался звук проезжающего автомобиля. Машина остановилась.

Муж прислушался.

— Кого это черт принес? — шепнул он.

Поднялся, чтобы подойти к окну. И тут прозвенел звонок, и прогремел он так громко, что Марина вздрогнула.

— Что это?

— Так у нас возле калитки звонок, — объяснил Валентин, — ты разве не заметила?

Он вышел из комнаты и начал спускаться вниз.

Поднялась и Марина. Подошла к окну и посмотрела на двор и на дорогу, где стоял полицейский «уазик».

Самого автомобиля видно не было, а только его крышу с мигалкой.

Муж открыл калитку и впустил во двор нескольких мужчин, среди которых был Карсавин, один полицейский в форме и еще двое в гражданской одежде, но по тому, как они уверенно двигались к дому, понятно было, что они тоже из полиции.

Валентин не хотел их впускать в дом и даже показал на окна второго этажа, пытаясь объяснить, что уже поздно и жена спит. Но потом его, очевидно, переубедили, и вся толпа прибывших поднялась на крыльцо.

Надо было спускаться. Ее попросили присесть за стол — попросили так осторожно, словно принесли известие, от которого она может упасть. Извинились, что в неурочный час, но надо действовать быстро, потому что большая часть преступлений раскрывается по горячим следам.

— Разве? — не поверил Валентин.

— Конечно, потому что потом у свидетелей вдруг отшибает память, они не являются по повесткам, а время идет, и все это на руку преступникам, — объяснил полицейский в форме.

— Задавайте ваши вопросы, — сказала Марина.

Сначала ее попросили рассказать, как это все произошло, где находилась она, а где убитый Панютин. Слышала ли выстрел, или, возможно, заметила что-то подозрительное. Известно ли ей о каких-либо конфликтах соседа.

— Мы здесь менее двух суток проживаем, — напомнил Валентин.

Но его не слушали.

— С убитым в каких отношениях вы были лично? — спросил следователь, как будто не слышал замечания хозяина дома.

— Вчера с ним познакомилась и в отношения вступить не успела, — ответила Марина, — тут все наши соседи, как я заметила, очень приятные и милые люди. Не преступники. Живут дружно, ссор нет.

Судя по всему, ее ответы полицейских удовлетворили.

Только один, что был в штатском, продолжил:

— Вы сообщили, что были от него шагах в трех. А не могли стрелять в вас, а не в него?

— Что за глупости! — возмутился Лужин.

— Всякое бывает. Возможно, с кем-нибудь ваша жена в ссоре, кто-то ей завидует. А может, ей стало что-то известно такое... Ну, вы понимаете...

Тут Марина вспомнила о своих подозрениях по поводу организации, поставившей целью своей деятельности провозглашение независимости трех областных районов. Но говорить ничего не стала. Просто покачала головой.

— То есть вам ничего не известно? — настаивал полицейский.

— Ничего, — сказала она и посмотрела на мужа, ища у него поддержки.

И Валентин подошел к ней и положил руку на плечо.

— Господа, — произнес он, — я не знаю методов розыскного дела, но проверьте для начала граждан из числа лиц, находящихся в данной местности, кто прежде был осужден за убийства и другие подобные преступления. Я, например, знаю одного из таких, кто в момент совершения преступления был где-то рядом.

Полицейские переглянулись.

— И кто же это? — спросил полицейский в форме.

— Некий Николай... Он работает тут. То есть в этом ТСЖ. Я знал его прежде: учился со мной в одной школе. И он тогда уже совершил убийство из корыстных побуждений.

— Фамилия у вашего знакомого есть?

— Николай Зимин.

Полицейские ушли. Только перед самым выходом из дома один из них попросил Лужину никуда до окончания следствия не уезжать, телефон не выключать, а лучше всего находиться в доме.

— И долго мне в доме сидеть? — поинтересовалась Марина.

— Я же сказал, — удивился ее непонятливости следователь, — до момента окончания следствия.

И после этих слов удалился, очевидно, уверенный в том, что убийцу отыщут очень и очень быстро.

Валентин проводил полицейских до калитки и, когда вернулся, сказал, что бóльших дураков, чем эти, он в жизни не видел.

— Зачем ты про Колю сказал? — обратилась Марина к мужу.

— Просто облегчил им работу. Они и так на него вышли бы: тут особого ума не надо.

Она не стала спорить. Хотела вообще не обсуждать эту тему, но муж не унимался.

— Люди нашего круга не могли этого сделать. Ты согласна?

Марина кивнула.

— Посторонним на банкира наплевать, — продолжал излагать Валентин, — если киллер действовал по заказу, то он не мог сидеть за каким-то гаражом, не опасаясь того, что его обнаружат. Следовательно, кто-то выследил Панютина, знал, куда он поедет, где будет находиться. Не писатель же его. И не Вадим Катков, известный многим как рэпер Окамыш. Или другие соседи, которые долгие годы шли к успеху, к благополучию. Я про всех кое-что знаю. Специально интересовался в интернете, чтобы знать будущих соседей. Издатель Буховцев с приятелем начинал с того, что торговал книгами у метро. Договаривались с мамой приятеля, которая тогда работала на складах

«Союзкниги», загружали багажник дефицитными тогда зарубежными детективами, и — к станциям метро. Книга стоила трешку, но в магазинах детективов днем с огнем не найдешь, и они отдавали каждую по двадцать пять. Еще и очереди к ним выстраивались. Потом наняли себе других студентов, ларьки открыли. Естественно, попали под бандитов. А потом кто-то сдал бандитов милиции. Подозревали, что это сделал Буховцев. Пришлось ему из страны уезжать на какое-то время. А музыкальный продюсер...

— Ты про всех все знаешь? — удивилась Марина.

— Все не все, конечно, но знаю. Так это не тайна. Это только ты такая доверчивая, а у них у всех за спиной что-то такое может быть... А мне важно было знать, кто рядом живет. Проверил: люди достойные, уважаемые. Про Панютина убитого молчу. Только когда у нас в стране банкира убивают, то никто даже не спрашивает, за что. Значит, было за что. Соседи, конечно же, ни при чем: никто к убийству банкира отношения не имеет. Я в этом убежден. Так что следствие с самого начала пошло по неправильному пути. За Панютиным никто не следил. Кто-то наверняка знал, что он собирается на праздник города.

— А он и не собирался. Никто туда не собирался. Это я узнала о празднике и всех позвала. То есть не всех. Сначала Карсавина, а тот уж Панютина сообщил, тот Любу и Виолетту в свою машину посадил. Про Каткова ничего сказать не могу, потому что он своим ходом добирался — не с нашей компанией. А потом все время рядом был. Только во время убийства не был...

Марина сказала об этом и вдруг поняла, что подзреваемый уже есть. Скорее всего, полицейские, которые наверняка рассуждают так же, как и Валентин: об их планах знали только участники поездки в Ветрогорск. На виду были все, кроме писателя Карсавина и рэпера Каткова. Но у писателя наверняка алиби: он ездил в Куйвози, и это может подтвердить некий Васа, известный производитель домашнего виски. А если он не был там?..

— Ладно, — произнес муж, — пойдем спать, а то на тебя смотреть страшно: ты так запугана этим всем.

Спать легли в разных комнатах. Марина лежала и вспоминала, пытаюсь понять, кто мог застрелить соседа. Она читала книги Карсавина, книги ей нравились, и автор их не мог быть убийцей. Песни Каткова она не слушала, то есть слышала несколько и не была поклонницей, однако сегодня он вполне проникновенно исполнил романс собственного сочинения. И вряд ли человек, сочиняющий стихи и музыку, будет убивать кого-то просто так. А почему просто так? Может быть, у банкира с кем-нибудь были неприязненные отношения, которые тщательным образом скрывались? Но, с другой стороны, тот самый сотрудник ТСЖ, который подключал в их доме газовый котел, тоже знал о цели их поездки. Видел, как они выезжают, понял куда... Валентин ведь говорил, что этот Зимин уже убивал прежде. Значит, это сделал Николай, больше никому...

Марина не хотела думать обо всем этом, но заснуть не удавалось. Она перебирала в памяти весь прошедший день. Потом стала вспоминать день по-

завчерашний, с которого все и началось. Думала о всем произошедшем в эти дни, выстраивала последовательность событий, почти уверенная в том, что разгадка где-то рядом — где-то на поверхности, прячется, незаметная за каким-нибудь более ярким воспоминанием. Достаточно обернуться и посмотреть внимательнее.

Глава 4

Позавчерашний день был субботой. С утра муж предложил прокатиться за город. Потом полчаса катили по загородной трассе. Сидящий за рулем Валентин всю дорогу только молчал и улыбался.

Вообще-то он не улыбался, а наоборот, скорее старался казаться серьезным, но она-то знала, что он что-то хочет показать ей, а потому едва сдерживается, чтобы не улыбнуться даже, а рассмеяться. Но всю дорогу он таинственно молчал.

Показалась табличка с названием какого-то населенного пункта, но что на нем было написано, разобрать не удалось. «Блейзер» свернул направо, не доехав до указателя полсотни метров. Здесь тоже была ровная ухоженная дорога, но гораздо уже той, по которой они ехали только что. Но теперь с обеих сторон трассы росли сосны.

— Так куда едем? — повторила она.

— Сейчас увидишь, — наконец ответил муж, — уже почти на месте.

Сразу после его слов они съехали с трассы и почти уткнулись в шлагбаум, не видимый с дороги. Этот

съезд вообще можно было бы проскочить, если не знать о нем.

Валентин взял мобильный телефон, и, продолжая разглядывать шлагбаум, произнес в трубку:

— Мы подъехали.

Шлагбаум поднялся, сразу за ним начиналась дорога... Нет — не дорога, а улица, по обеим сторонам которой тянулись заборы из красного кирпича. Заборы были одинаковые, и можно было подумать, что это одна сплошная и нескончаемая стена, за которой виднеются черепичные крыши и верхушки сосен, которых в округе было предостаточно. Но перед началом улицы размещалась асфальтированная площадка для парковки автомобилей. Тут же располагался, очевидно, маленький домик охраны и еще один, но уже двухэтажный, хотя вряд ли жилой, потому что он не был огорожен, рядом с ним не было ни деревьев, ни хозяйственных построек.

Как раз из него выскочил круглый, похожий на Колобка человек и поспешил к ним. Он спешил, но подошел к «Блейзеру» не запыхавшись, несмотря на свой лишний вес.

Валентин вышел и пожал протянутую ему руку.

Марина вышла тоже.

Пухлый человек посмотрел на нее, а потом обратился к Валентину:

— Ваша жена не в курсе, насколько я понимаю?

Муж кивнул, а Марина удивилась:

— Что я должна знать и не знаю до сих пор?

— Вы приобрели здесь дом с участком, — объяснил незнакомец и представился: — Меня зовут

Олег. Я председатель товарищества собственников, заодно возглавляю управляющую компанию, и я же создатель всей этой красоты. Приобрел в свое время весь этот земельный массив, никому не нужный. Осушил болото и начал строительство.

— У нас здесь дом? — не поверила Марина и посмотрела на мужа.

И только сейчас он улыбнулся.

— Ты же давно хотела, — признался он, — я просмотрел все предложения, и это оказалось самое достойное.

— Более чем, — кивнул пухлый человек, — знаете, сколько я сюда труда вложил! А про деньги вообще не говорю. Раз три был на грани полного разорения. Слава богу, банк поддержал — предоставил мне кредит.

— Рассчитались с банком? — поинтересовалась Марина.

— Рассчитался, — ответил Олег, — к счастью, мой банкир согласился основную сумму получить участками, так что я только проценты выплачивал деньгами. Но желающих было столько, что пришлось даже отказывать.

— Да неужели? — не поверила Марина.

— Именно так. Место престижное: неподалеку от города, экологически чистое, водопровод, канализация, охранная сигнализация самая дорогая, интернет оптико-волоконный проводим. Да вы и сами все сейчас увидите.

Он забрался на заднее сиденье «Блейзера». Валентин сел за руль, а Марина рядом. Поехали не спеша,

дорога была ровная, а по обеим ее сторонам до самых заборов лоснился идеально выстриженный газон.

— Мы отказывали многим потому лишь, что хотели создать коллектив приятных людей. А потому лица с сомнительной репутацией не должны здесь жить. Трое банкиров, один депутат Государственной думы, один депутат городского собрания, кинопродюсер, есть и музыкальный продюсер. Певец известный тут проживает — как раз за следующим поворотом его дом. Он рэп-исполнитель. Окатыш — слышали, наверное?

— Слышала. Только его имя, а так не знаю даже, насколько он...

— Настоящее его имя — Вадим Катков. В жизни он милейший человек, уверяю вас. Очень тихий и приветливый. Вообще, здесь около сотни участков.

— Соседи у нас уже есть?

— Есть, — кивнул пухлый человек, — ваш муж уже с ними познакомился, насколько мне известно. У вас с одной стороны компьютерный гений с молодой женой, а с другой — известный писатель Карсавин.

— Может быть, Карсавин? Иван Карсавин? — не поверила Марина. — Я его поклонница.

— Точно, Карсавин, — согласился Олег, — просто я оговорился. Моя жена его тоже читала, он ей свою книжку с автографом подарил.

Машина повернула еще раз.

— А вот и ваш дом виднеется.

«Блейзер» остановился перед воротами. Валентин взял пульт и нажал кнопку. Ворота начали раздвигаться.

— Вот такое чудо техники, — засмеялся пухлый человек.

Въехали на территорию, где тоже был подстриженный газон, тоже росли сосны и еще стояли качели под полосатым тентом.

— Качели откуда?

— Подарок от фирмы, — объяснил председатель ТСЖ. — Мы всем новым соседям дарим что-то. Вам — качели, компьютерный гений попросил стол для пинг-понга. Писатель попросил себе беседку с каменным мангалом. А банкир — бассейн.

— Ничего себе запросики! — поразилась Марина.

— Сделали ему бассейн небольшой: в конце концов, он мне здорово помог — так почему бы и ему не сделать приятное. Хотя вряд ли соседям бассейн нравится. Он светится по ночам, да и потом купания всегда шумные получаются.

— Банкир женат?

— Марина! — укоризненно произнес Валентин.

— Я просто так спросила.

— Банкир в разводе. Ему пятьдесят шесть, если вам так интересно. А за компьютерным гением живет кинопродюсер. «Не ходите в подвал по ночам».

— В каком смысле? — не поняла Лужина.

— Это название последнего фильма, который он продюсировал. Не смотрели?

— Нет.

— Посмотрите, — посоветовал Олег, — очень увлекательный фильм. Правда, моя жена от страха кричала и глаза ладонями прикрывала. Это я к тому, чтобы вы не сомневались: общество действительно здесь достойное. Как говорится, тут полный набор: продюсеры, певцы, писатель — культурное общество, как вы понимаете. Где вы такое еще найдете? Никто ни с кем не ссорится. Все живут дружно. Даже праздники устраиваем коллективные. У нас тут прудик имеется, который изначально планировался как пожарный водоем, но мы его расширили, оборудовали пляж, шатер установили, в котором столики, барная стойка, пивные аппараты, телевизионный экран... Местные мужчины собираются там на просмотр футбольных матчей. Понятно, что у каждого в доме свой телевизор, но всем вместе ведь интереснее, можно покричать, похлопать кого-нибудь по плечу или по спине... Заходите, сами увидите.

— Мы, увы, не болельщики.

— Да? — не поверил пухлый человек. — А у вашего мужа такая спортивная фигура. Да и у вас... простите, конечно, на загляденье.

Они уже разговаривали, не спеша вышагивая по газону. Марина оглядывала все вокруг, а Валентин стоял у крыльца, поджидая ее, чтобы показать дом изнутри.

Она подошла к нему и улыбнулась:

— Если честно, то я в нетерпении.

Муж открыл незапертую, словно ожидавшую их прихода дверь, и они вошли. Сразу оказались в огром-

ной прихожей с полом, выложенным в шахматном порядке белой и черной мраморной плиткой. Прихожая заканчивалась широкой аркой, за которую убегали шахматные плитки.

Втроем вошли в гостиную, и Олег объяснил:

— И проект, и интерьер дома придумал известный архитектор.

— Он тоже живет в поселке, — рассмеялась Марина.

Но председатель ТСЖ кивнул с самым серьезным видом.

— Если бы мы платили ему за каждый проект, знаете, во сколько бы нам это обошлось? Ведь каждый дом не похож на другие ни внешне, ни внутри. Только наружная облицовка стен у них одинакова. Ваш дом — двести сорок восемь метров общей площади. Здесь три ваннные комнаты, кладовые, две гардеробные. Есть даже подвал с винными шкапами.

— Ну, это не для нас, — тут же сообщила Марина, — мы практически не пьем. Разве что по большим праздникам, да и то в меру.

— Значит, наш поселок точно для вас! — обрадовался Олег. — Здесь все трезвенники. А пиво — это только во время футбольных матчей, да и то там никто не злоупотребляет. Я, к примеру, изредка только могу позволить себе пару глотков виски. Но только хорошее.

Он задумался и спросил:

— Как правильно говорить: «хороший виски» или «хорошее»?